

лог. Я насчитываю в составленном мною списке—217 сочинений подобного рода. Несколько немецких ученых—Роберт фон-Моль, Клейнвехтер,—пытались классифицировать утопии по их внутреннему содержанию и темам. Их списки неполны и устарели. К тому же они отбирали утопии чрезмерно строго и не всегда с достаточною осведомленностью. Правда, отбор необходим. Один венский антикварный каталог частного собрания сочинений утопического содержания вмещает 1850 номеров ¹⁾.

В списках Клейнвехтера и Моля отсутствуют утопии, написанные до Томаса Мора, затем мало известные многочисленные утопии XVII и XVIII столетия, вроде утопии польского короля Станислава Лещинского, и, наконец, утопии самого новейшего времени, как утопии Беллами, Вильяма Морриса, Курда Ласвица, Герцки и других. Конечно, немецким ученым неведомы и русские утопические произведения. Не знают их и специалисты по истории утопий, как за границею—Сюдн, Каутский, Кирхгейм, Фойгт, Свентоховский, ни наши—Щеглов, Русанов, Рожков, Тотомиянц. Названные мною писатели изображают всю продолжительную историю утопизма в виде однообразного периода развития, начинающегося с Мора и завершающегося к началу 19 века эпохою «великих утопистов»,—Сен-Симон, Фурье и Оуэн,—причем только один из трех,—а именно Фурье, по форме своих фантазий поддерживает традиции шаблонного утопизма.

Более внимательное изыскание показывает свою «смену вех». История утопизма за долгий период своего существования знает свои этапы развития и свои уклоны, разнообразные и поучительные. Особенно важный перелом связан с эпохою Руссо.

Современная наука недостаточно изучила область социальной фантастики или социального утопизма, она вообще уделяла мало внимания этой своеобразной и важной форме литературы, которая иногда оказывалась влиятельнее прямой пропаганды или поучения.

¹⁾ «*Bibliotheca utopistica*»—Katalog einer Merkwürdigen Sammlung von Werken utopistischen Inhalts 16—20 Jahrh., aus dem Nachlasse *Ludwig Hevesi*, mit einer Einleitung v. Prof. F. v. *Kleinwächter*, Wien (Gilhofer & Ranschburg) (Katalog № 101).

Парагвайское коммунистическое государство незуитов в конце XVI века, движение анабаптистов в XV и XVI в.в., переселение французских икаррийцев в Соединенные Штаты в конце 40-х годов XIX столетия—вот наиболее типичные случаи воздействия фантазии на поведение больших людских групп.

Утопия вообще всегда шла впереди жизни, вдохновляла активное жизнетворчество.

Утопический социализм со времени появления научного был осужден, и притом более чем он того заслуживал.

Чрезмерно резкое отграничение утопического социализма—бывшее необходимым в конце 40-х годов 19-го столетия при выработке марксизма—в «дни размежевания» всегда с особой настойчивостью подчеркивалось Энгельсом и перешло, как завет, к его идейным правопреемникам. То, что в свое время было и своевременно и нужно, у них превратилось в тормоз.

Идея, имевшая целью подчеркнуть особенность марксистского подхода к социальной проблеме и к идеологии, выродилась в пренебрежение к социальной фантазии и вообще ко всей эпохе утопизма. Это уже ошибочно и несправедливо.

Утопии—действительно «буревестники истории». Они вносят красоту и жгучесть «воли к идеалу» в социальное творчество. Золотые сны утопии скрашивают серую прозу жизни и вызывают стремление вперед, к чарующим далям грядущего. Они—дыхание романтизма, но не в минувшем, а в будущем. Они—сказки грядущего. Их нельзя не любить, нельзя не изучать....

Г л а в а II.

УТОПИЗМ В РОССИИ.

I.

Россия с изначальных дней своей европеизации,—этого основного процесса ее развития в новейший период,—не осталась чужда утопической литературе. Выделив из своего социального состава интеллигенцию,—эту истинную «дщерь Петрову», Россия как бы вверила ей свое идеалистическое искание. Стремление к идеалу протекало при общей отсталости страны, при безмолвии масс и, естественно, всегда сводилось к одной основной проблеме—к политической. Хроническая концентрация общественной мысли и напряжения интеллигенции в одну определенную сторону—отодвигали все иные вопросы на второй план. Поиски экономического идеала получали второстепенное значение. Вначале политическое освобождение, затем уже устройство. Это придавало всей русской интеллигенции и ее идеологии—особый характер; это же ослабляло краски социально-экономической фантастики. Они были бледны и легко сбывались на местную гражданственность, проникались патриотикою. Поэтому ими так мало интересовались.

Утопические сочинения русских авторов—вопрос почти неисследованный.

Один из наших молодых беллетристов, подвизающийся ныне и в области литературной критики, недавно решительно, но неосновательно заявил, что в до-революционной русской литературе «образцов социальной и научной фантастики почти нет; едва ли не единственными представителями этого жанра окажутся рассказ «Жидкое Солнце» Куприна и роман «Крас-

ная Звезда» Богданова, имеющие скорее публицистическое, чем художественное значение» ¹⁾).

Дальнейшее изложение покажет неверность этого суждения. Нетрудно убедиться, что за последние двести лет в русской литературе не раз выдвигалась утопия, как тема для обработки. Настоящий набросок и ставит себе целью поставить первые вехи истории утопизма в России. Конечно, это только первоначальный и, по всей вероятности, неполный набросок. Мы вообще довольно основательно забыли свое прошлое, даже недавнее прошлое, тем более, что литературно-критический анализ мало подходил к этой теме. Но все же кое-что уже сделано. Работы Пыпина, Сиповского, Мякотина, Кизеветтера, Сакулина не могут быть обойдены молчанием. Они касались только двух авторов—князя Михаила Щербатова и князя Владимира Одоевского. Остальные утописты не выяснялись. Литературно-критический подход к тому же не исчерпывал вопроса. Выяснение социально-экономической стороны наших утопий,—особенно важной для этого рода произведений,—оставалось в тени.

В дальнейшем, не излагая истории утопического социализма в России, мы задаемся только попыткой наметить историю и установить экономическое содержание беллетристических утопических произведений русских авторов, но повторяем, что и это только набросок и притом набросок первоначальный.

II.

Наши утопические произведения с социальным содержанием, то, что принято относить к группе «*Staatsromane*» (по Клейнвехтеровской классификации), располагаются хронологически в следующем порядке.

XVIII век дает группу сочинений, среди которых наиболее значительным является утопия князя *Щербатова*. Она называется «Путешествие в царство Офирское» и написана в 1783—84 году. К этой же эпохе относятся сочинения: «Русская Памела»—*П. Львова*, правоучительные утопии *М. Хераскова*, *Дмитриева-Мамонова* и *Левшина*, романы *Ф. Эмина*.

¹⁾ *Евг. Замятин*: Герберт Уэллс. Петербург («Эпоха»), 1922, стр. 47.

Внимание к ним поддерживается переводами утопий с иностранных языков.

В XIX столетии за утопические сочинения берутся в середине двадцатых годов—Фаддей *Булгарин*, в тридцатых—*Вельтман*, в начале сороковых—князь Владимир Федорович *Одоевский*. Вторая половина этого столетия беднее. Утопией заняты попутно *Н. Г. Чернышевский* и *А. А. Богданов*. Можно упомянуть имена *Куприна*—(рассказ), *Замятина* и *Шапошникова*, не окончивших и не опубликовавших своих сочинений, да набросок коллективного затерявшегося романа, составленного группою народовольцев в Кари́йской каторжной тюрьме.

Наше столетие, особенно после 1905 года,—этой «генеральной репетиции» великой русской революции,—вновь подымает интерес к утопическим построениям, о чем свидетельствует появление ряда переводов иноземных утопий.

У петербургских рабочих в это время пользуется успехом переложение, сделанное Николаевым, утопии Беллами «Через сто лет». Вышла также, но прошла незамеченной «Красная Звезда» *А. А. Богданова*, стоявшего на большевистской точке зрения. Но утопия Богданова—утопия не социальная; она должна быть отнесена к типу технических утопий. Марсиане, в силу естественного хода размножения долженствующие выселиться на другую планету, избирают местом своей колонизации Землю. Утопия изображает приключения одного из первых разведочных отрядов. Приключение сопровождается любовною интригою между мнимым автором утопии и одной из марсианок. До 1917 года «Красная Звезда» была единственною русскою утопиею с социалистическим содержанием. В великую Революцию Богданов добавил к ней продолжение «Инженер Менни», небольшую изящную вещицу того же направления, что и первая его фантазия.

ГЛАВА III.

РУССКИЕ УТОПИИ XVIII ВЕКА. .

1. Общий характер.

Прелестен и величественен этот большой век на Западе, век — все еще мало изученный и оцененный, век, так сильно повлиявший на мировоззрение русской интеллигенции. Золотым ключом, раскрывающим сокровищницу его духовного содержания, является Жан-Жак Руссо и его воззрения, объясняющие и соединяющие сразу, как узловая станция, все пути и духовной политики, и социальных достижений, и утопических устремлений. Уразуметь Руссо — это разгадать сокровенный смысл всей замечательной эпохи и понять, как человеческая мысль проникла в сущность тогдашней жизни: ставился вопрос не о данном социально-политическом строе, а о судьбах всей европейской культуры. Не порядок Франции XVIII века, а вся европейская цивилизация признавалась ложной.

Вместе с тем преломляется и история утопического социализма. Он становится *рационалистическим* и проникнутым идеями *естественного права*.

Аббат Морелли в «Базилиаде или в Крушении пловучих островов» (1755) дает аллегория на крушение всей цивилизации. Руссо и руссоисты желают не улучшать и реформировать Францию, а на новых основаниях перестроить всю человеческую культуру, ставшую столь городской и столь ложною. Теперь спасают все человечество. Утопия становится абстрактною, международною, над-историческою. Рационалистический универсализм — вот общая форма социальной философии этого века.

Между тем события идут, и время становится все более сложным. Разгорающаяся индустриальная революция открывает новые горизонты. Закладывается фундамент нового промышленного строя. На нем покоятся циклопические глыбы рационализма, между которыми разливается огненная лава демократизма и эгалитарности.

Строители еще не чувствуют противоречия между развивающимися формами нового быта и быстро стареющей идеологиею. Растущий промышленный капитализм с его концентрацией капитала и революционизирующим пролетариатом скоро и неизбежно разрушит высящееся над ним стройное здание идей, сложившихся на иных основах и в иное время.

Удары духовной кирки этих зодчих разносились тогда по всему цивилизованному миру. Россия тоже не могла не содрагаться. Но Радищев и Новиков, Пнин и мasons, а сильнее других декабристы,—желали присоединиться «к Западу», не задумываясь к какому, стремились приобщиться к европейской жизни, не анализируя ее оснований. Ими руководило одно пламенное желание: в грозных и тяжелых русских условиях создать основы культуры — *законность и гражданственность*.

В этом и состояла их утопия, которую они постигали не только в мечтах, но и решились осуществить в действительности.

В этих замыслах наши новаторы были детьми своего века—русскими дворянами, думающими прежде всего об интересах своего класса. Такова была классовая подоплека трех наиболее выдающихся просветителей Екатерининского времени: Радищева, Новикова и Щербатова. Последний был самый старший и самый типичный, на нем и остановимся.

2. Кн. М. М. Щербатов.

Князь Михаил Михайлович Щербатов (1733—1790) был первым русским утопистом.

Перед нами определенная общественная фигура: просвещенный дворянский публицист, человек с большим образованием и с еще большим темпераментом, наиболее видный, наи-

более блестящий оратор Комиссии Уложения, наиболее солидный русский публицист той эпохи. Для трудной роли независимого общественного деятеля он подготовлен серьезнее и лучше других: Щербатов историк и один из наиболее ученых людей своего времени. Недаром он автор первой русской статистики, а в его библиотеке содержится более 15 тысяч томов книг научного содержания. Г. В. Плеханов в своей «Истории русской общественной мысли» полагает, что кн. М. М. Щербатов «был во второй половине XVIII века едва ли не самым замечательным идеологом русского дворянства», хотя он тут же добавляет, что эта «дворянская идеология имела у него свой особый оттенок» (том III, М., 1918, стр. 281).

Щербатов по своим политическим убеждениям примыкает к английским конституционалистам, он ненавидит «самовластное правление», «монархизм», «деспотичество». Последнему, по его мнению, всегда наступает «жестокый конец», потому что «долг и благосостояние» каждого влекут его «низвергнуть его», «низвергнуть сего кумира, никогда твердых ног не имеющих».

Щербатов согласен с учением об естественном праве и первоначальном договоре, он руссоист, но думает иначе, чем, например, англичанин Томас Гоббз или наш Феофан Прокопович. «Правду воли монаршей» Прокоповича он считает «памятником лести и подобострастия».

Вообще Щербатов политически человек определенных твердых убеждений и самостоятельных взглядов. Он патриот в лучшем смысле этого слова, он гражданин, ясно сознающий лежащий на нем общественный долг.

Иное дело — его экономические убеждения, они типично классовые, крупнопомещичьи, что впрочем тогда вполне спокойно уживалось с политическим либерализмом.

Политические и философские идеи западных авторитетов Щербатов усвоил вполне, но вносит в них свои оригинальные поправки, которые диктует ему русская история и русская действительность XVIII века. От последней он не отворачивается, а относится вдумчиво и сознательно, приспособляя к ней западные просветительные идеи. Он выбирает из богатого европейского арсенала только нужное и целесообразное с его точки зрения.

Сочинения Щербатова разнообразны, темы своевременны и интересны; тон страстный и убежденный, часто смелый и резкий. Он не льстец и не искатель, а гражданин-патриот, что само по себе уже было много.

Говоря о самом себе, он признавал «некоторое нетерпение и чувствительность к тягостям ближнего, но оправдывал их «любовью к отечеству» и отсутствием «подлого раболепствования».

Щербатов скорбит об участи русского гражданина, который «влачит тягость жизни своей, не имея ни твердых законов, ни знающих правителей, ни чинов управления, достаточно силою снабженных»...

Жизнь, честь и имущество русского гражданина «не более в безопасности, чем слабая лодка без руля среди моря. Нет ни правила, коему мог бы последовать, ни пристанища, где бы узрел свое спасение» ¹⁾.

Такой порядок, или, вернее, беспорядок, по мнению Щербатова, в корне противоречит действительным задачам государства, которое должно охранять естественные права каждого гражданина, содействовать осуществлению «общего блага», так как только для достижения этой цели «люди уступили часть своей свободы и своих выгод, дабы другими частями безопасно пользоваться» ²⁾.

Для осуществления своего политического идеала Щербатов не требует, как европейские утописты, ни равенства всех перед законом, ни уравнивания в привилегиях, ни имущественного коммунизма.

Щербатов отстаивает и неравенство, и частную собственность, и индивидуальную инициативу. Из общей массы народа он выделяет одно только родовитое дворянство, которому и поручает «заботу об общем благе». Кроме политических привилегий Щербатов стремится наделить этот класс и всеми экономическими преимуществами, заботясь о поддержании и сохранении только одной «родовитой породы». Этому классу

¹⁾ Щербатов, кн. М. М.: Сочинения, т. II, СПб., 1898, стр. 248 и 251 (статья: «Оправдание моих мыслей»).

²⁾ Щербатов, кн. М. М. Сочинения, том I, СПб., 1896 (статья: «Разные рассуждения о правлении»), стр. 421.

он и в своих памфлетах, и в своей утопии всемерно старается подчинить все остальное население и даже верховую власть.

Естественно, что Щербатов против освобождения крестьян от крепостной зависимости и сознательно отдает их под опеку дворянства.

С такого рода строго классовыми воззрениями, дошедшими до кульминационного пункта своего выражения, Щербатов и подходит к созданию своей утопии.

3. „Путешествие в землю Офирскую“.

Так озаглавленное сочинение князя Щербатова представляет собою типичную русскую утопию последней четверти XVIII века, хотя незаконченную и неотделанную, но написанную человеком уже в зрелом возрасте,—Щербатову к началу ее составления уже минуло 50 лет,—и по солидности замысла не уступающую сходным произведениям того же времени.

«Путешествие в землю Офирскую» рассказывается от имени «*господина С., шведского дворянина*», составлено оно в 1783—84 году, т.-е. накануне Великой Французской Революции. Это сочинение долго оставалось в рукописи, как и вообще многие из работ Щербатова, несомненно, по условиям цензуры. Распространялось ли «Путешествие» в рукописных копиях, мне неизвестно.

«Офирская земля» снабжена обычным вступительным вымыслом, маскирующим действительного автора и его намерения. Этот шаблонный прием, нечто среднее между лукавством и застенчивостью, — у Щербатова упрощен до крайности: потерпевшего кораблекрушение «шведского дворянина» приютили жители неведомой Офирской земли, где нравы, обычаи и учреждения оказались достойными внимания и изучения.

Щербатов знает, что библиотеки полны множеством «путешествий», сходных с его сочинением, но все же не может воздержаться не опубликовать описания страны, в которой «никто не бывал». Она интересна не «великими чудесами» в рассуждении естественного состояния, а особенностями своего устройства и быта. Во-первых, в ней нет международной